

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 39+809.44/.45+801.311

В.В. Напольских

Институт истории, языка и литературы УрО РАН

ул. Ломоносова, 4, Ижевск, 426004, Россия

E-mail: vovia@ni.udm.ru

“УГРО-САМОДИЙЦЫ” В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Существует мнение о наличии на северо-востоке Европы обширного ареала топонимики, якобы оставленной древним угорским населением; к нему обычно – хотя и вне всякой логики – примыкают попытки показать былое пребывание на примерно тех же территориях и каких-то самодийских групп. При этом чаще всего об “угорских” и “самодийских” топонимах Восточной Европы нередко пишут одни и те же авторы, которые помещают их в своих сочинениях рядом и порой объясняют отдельные топонимы как гибридные “угро-самодийские”, как будто речь идет почти об одних и тех же языках. Эти построения с энтузиазмом используют некоторые археологи для прямолинейной этноязыковой интерпретации археологических свидетельств миграций сибирского (“угро-самодийского”) населения в Восточную Европу [Генинг, 1967, с. 275 – 277; Казаков, 1992, с. 245, 250 и др.].

Написано обо всем этом на сегодня уже немало. Междисциплинарный характер проблемы (ономастика, археология, исторические источники и т.д.) усложняет ситуацию: даже весьма осторожные исследователи считают необходимым сослаться на “угро-самодийские” построения, мотивируя это тем, что последние базируются якобы на выводах другой дисциплины, которые следует принимать во внимание. Это обстоятельство и является основным побудительным мотивом для написания данной статьи, причем я вполне отдаю себе отчет в том, что не только одна небольшая статья, но и несколько томов детальной критики едва ли могут переубедить авторов построений такого рода*, и нимало не стремлюсь к этому, я

адресуюсь прежде всего к студентам и к тем коллегам, которые понимают необходимость корректного и осторожного использования выводов различных смежных дисциплин.

По-видимому, пионером в области поисков угорской топонимии на широких пространствах Восточной Европы был Д.П. Европеус [1874]. Его сочинение было совершенно дилетантским даже для своего времени (“Phantasien”, по лаконичному определению М. Фасмера [Vasmer, 1934 – 1936, Bd. 2, S. 10]), и разбирать здесь его построения нет необходимости. В принципе, данного автора не стоило бы и упоминать, если бы не то обстоятельство, что на него ссылаются современные разработчики интересующих нас “угро-самодийских” теорий: либо сами они сочинения Д.П. Европеуса не читали, либо его уровень их вполне устраивает (что, если посмотреть на их собственные упражнения – см. ниже, не удивляет), либо, наконец, уж очень хочется продемонстрировать наличие “историографической традиции”, и тут – всякое лыко в строку. И в самом деле, Д.П. Европеус не только предвосхитил, но даже превзошел достижения наших “угро-самоедологов”: он находил “следы” (финно-)угров, например, в Африке [Европеус, 1874, с. 22]!

Более серьезным основанием для утверждений о былом широком расселении обских угров на севере Восточной Европы стал список “обско-угорских” гидронимов этих территорий, приведенный А. Каннисто в его работе более чем полувековой давности [Kannisto, 1927a]. Очерченный автором ареал “обско-угорских” топонимов охватывал бассейны Камы, Вычегды, Мезени, Пинеги и достигал Марийского Поволжья. Бесспорный высокий авторитет А. Каннисто и некритическое восприятие выводов привели к тому, что этот ареал стал рассматриваться уже как бесспорный район былого проживания обских угров (см., например, карту в [Соколова, 1983]).

* Дело как всегда осложняется и корпоративными интересами. Так, данная статья не была допущена к печати Национальным советом Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН с подачи ученого секретаря М.Г. Ивановой по причине того, что здесь подвергаются критике сочинения удмуртского исследователя М.Г. Атаманова.

Между тем это едва ли оправданно, так как, во-первых, единственным критерием отбора “обско-угорских” гидронимов для А. Каннисто было наличие в названии рек окончания на *-ja* (ср. манс. *jā* ‘река’), при этом не учитывалось, что оно может возникнуть в результате адаптации местных (прежде всего – коми) названий рек русским языком (окончание женского рода *-a*). Таким образом, в работе А. Каннисто по сути дела вообще нет первичного лингвистического анализа рассматриваемых там гидронимов как слов конкретного языка, в котором они функционируют; как увидим ниже, это характерно и для других работ по интересующей нас теме. Во-вторых, в большинстве случаев А. Каннисто не дает обско-угорских этимологий для рассматриваемых гидронимов, ограничиваясь констатацией упомянутого окончания на *-ja* или указывая созвучные названия на территории проживания ханты и манси. Для утверждения обско-угорского происхождения того или иного названия реки следовало бы показать, что оно (и апеллятив, и основа) объясняется из нарицательной лексики обско-угорских языков, а наличие просто параллельных названий оставляет множество других возможностей: происхождение из какого-то неизвестного языка, пермское (коми) происхождение, перенос названий русскими или коми с Русского Севера на север Западной Сибири и т.д. В-третьих, в работе А. Каннисто есть элементарные ошибки в передаче названий и их интерпретации.

Ниже я привожу все “обско-угорские” гидронимы бассейнов Мезени, Пинеги, Вычегды, Вятки, среднего течения Печоры и верховьев Камы из статьи А. Каннисто [Kannisto, 1927a, S. 76 – 89], обязательно указывая предложенные им обско-угорские этимологии для них (в тех немногих случаях, когда таковые имеются, если их нет, название даю без комментария). При этом я не рассматриваю в качестве этимологий похожие названия рек, текущих в собственно обско-угорских районах, если они необъяснимы из обско-угорских языков. После знака = приводятся сегодняшние названия этих рек на русском и коми языках (в тех случаях, когда мне удалось их установить, если не удалось – привожу определения самого А. Каннисто после ? и без знака =) и альтернативные этимологии из работ других авторов и (после знака //) предлагаемые мною.

Бассейн Мезени

Сельзя = Сельзя (пр. пр. р. Мезень).

Мутасья = Мутасья (лев. пр. р. Мезень).

Ия ← манс. (Т.) *jī*, (НЛоз.) *i* ‘ночь’ [Kannisto, 1927a, S. 86] = (Большая) *Ыя* (лев. пр. р. Вашка), ср. также выше ее – р. *Ыя*, оба названия якобы ← нен. *i* ‘вода’ [Афанасьев, 1996, с. 160]. Сомнительно: вряд ли нен. *i* может быть передано в коми языке через *jī*.

Едва ли ненцы вообще когда-либо жили в верховьях Мезени и вряд ли появились там раньше коми // Ср. коми (Уд.) *ju: jv dor* ‘entfernte Gegend (volkstumliche Deutung des Namens Udora)’ [Fokos-Fuchs, 1959, Bd 1, S. 297] < общекоми основа *jl* – ‘дал(ний)’ в в-вовом диалекте.

Керья = Керью (лев. пр. р. Мезень) < коми *ker-ju* букв. ‘бревно-река’, ‘река с бревнами’ [Афанасьев, 1996, с. 73].

Поля Верхняя и Нижняя (? лев. пр. р. Мезень) // < коми (л-овый диалект) *lolju* ‘ольховая река’ (ср. ниже *Полья* в бас. Вычегды).

Веня = Венью (пр. пр. р. Вашка) якобы < коми *ván* *ji* ‘богатая река’ (где *ván* – забытое коми слово, восстановливаемое на базе удм. *ván* в *vánbur* ~ коми *embur* ‘богатство’) [Афанасьев, 1996, с. 39]. Сопоставление сомнительное и по вокализму, и в силу неправомерности реконструкции коми * *ván* // На самом деле скорее связано с коми (Уд.) *veń* ‘поветрие, заразная болезнь’ (в др. коми диалектах – *pereš* [Справительный словарь..., с. 300]): *veń ju* ‘заразная река’.

Луп ← манс. (НКон., СКон., Пел., СЛоз.) *lýpr*, (НЛоз.) *lýpr* ‘дерево, лежащее в реке’ [Kannisto, 1927a, S. 77] = *Лупт* (пр. пр. р. Мезень) – форма, приводимая на картах, у А.П. Афанасьева – *Лупта*, якобы ← манс. *lupta* ‘лист, лепесток’ (т.е. ‘(река, текущая) по лиственному лесу’, ‘(река, заросшая) лиственным лесом’) [Афанасьев, 1996, с. 94]. Сопоставление сомнительное по семантике: манс. (С) *lúpta* не имеет значения ‘лиственный лес’ [Munkácsi, Kálmán, 1986, S. 276 – 277]. Поэтому предпочтительнее альтернативное предположение: “Возможно также, *Лупта* из коми *löptä* ‘с мусором, с лесными завалами’” [Афанасьев, 1996, с. 94] < коми *lep(t-)* ‘наносной мусор, завалы на реке’; ниже см. множество примеров гидронимов, образованных от основы *lep(t-)* и комментарии. Ср. также название избы *Луптвом* – топоним, безусловно, целиком коми происхождения [Там же], указывающий, кроме того, на первичность формы гидронима *Лупт*, а не *Лупта*.

Коштомъя (? пр. пр. р. Мезень).

Упья (? пр. пр. р. Мезень).

Пежся ← (?) манс. (ВЛоз.) *pēs jā*, (Т.) *piš je* ‘старое русло реки’ [Kannisto, 1927a, S. 77] = *Пежся-ю* (пр. пр. р. Мезень) < коми *pežja ju* ← “др.-угор. *neš ja*, *neš ja* ‘река со старицами’” [Афанасьев, 1996, с. 122]. Сомнителен переход * *š* > * *ž* при адаптации в коми языке // На картах приводится форма *Пежсью* < коми *pež ji* ‘поганая река’, если все же правильна форма *Пежся-ю*, то и в этом случае < коми (Уд.) *pežja ju* ‘жирная река’ (см. [Справительный словарь..., с. 278]).

Бассейн Пинеги

Кисья (? лев. пр. р. Покшеньга, левого притока р. Пинега).

Выя = Вья (лев. пр. р. Пинега).

Нiol ← манс. (НКон., СКон., Т.) *ńål* ‘Quelle, bes. in einem Fluß oder See fliessende’ [Kannisto, 1927a, S. 86] // Очевидно < коми (л-овые диалекты) *ńel* ‘стрела’.

Бассейн Вычегды

Шабья (? пр. пр. р. Виледь, левого притока р. Вычегда).

Лупья ← манс. (НКон., СКон., Пел., СЛозь.) *līp*, (НЛозь.) *lūp* ‘дерево, лежащее в реке’ + *jā* ‘река’ [Ibid, S. 77] = *Верхняя Лупья* (лев. пр. р. Вычегда) // Альтернатива: < коми *lep ju* ‘река с завалами’ (*lep* ‘завалы, наносной мусор’). Большое количество названий рек типа *lep ju* в Республике Коми [Афанасьев, 1996, с. 95] объясняется важностью наличия/отсутствия речных заторов для судоходства и рыболовства. Хотя в удмуртском языке коми *lep* ‘наносной древесный мусор’ прямых параллелей не имеет, в топонимии Удмуртии имеются названия рек типа *Лып* (удм. *lep*), связанные, видимо, с тем же корнем [Атаманов, 1988, с. 62]. См. также ниже.

Лупья ← манс. (НКон., СКон., Пел., СЛозь.) *līp*, (НЛозь.) *lūp* ‘дерево, лежащее в реке’ + *jā* ‘река’ [Kannisto, 1927a, S. 77] = *Нижняя Лупья* (лев. пр. р. Вычегда) // См. выше и ниже.

Лапья ← (?) манс. (НКон., СКон., Пел., СЛозь.) *līp*, (НЛозь.) *lūp* ‘дерево, лежащее в реке’ + *jā* ‘река’ [Ibid] = *Лэпью* (пр. пр. р. Сысола, рядом еще как минимум три реки с таким названием) < коми *lepju* ‘река с мусором, с завалами’ [Афанасьев, 1996, с. 95]. Показательны зафиксированные колебания вокализма в русской передаче названий: различная адаптация коми *lep* – в виде русского *луп(m)* или *лэп/лап* объясняется разным временем заимствования, взаимодействием разных коми и русских диалектов. Ср. также р. *Лапьога* в Ижемском районе Республики Коми < **lepju(g)* ‘река с мусором, с лесными завалами’ [Там же, с. 87].

Вадья (? пр. пр. р. Вычегда) ← манс. (НЛозь., Пел.) *βöt*, (СКон., НКон.) *βöt*, (Т.) *βät* ‘ветер’ [Kannisto, 1927a, S. 86]. Необъясним переход *t > *d // Альтернатива: < коми *vadja* ‘с лесным озером’ (*vad* ‘лесное озеро’). Ср., например, р. *Вадьявож*, лев. пр. р. *Велью* < коми *vadja* + коми *vož* ‘приток’ [Афанасьев, 1996, с. 36].

Чавья = Чевью (лев. пр. р. Вычегда) < коми *čevju* ‘тихая река’ [Там же, с. 154].

Полья (? пр. пр. р. Сысола) // < коми (л-овый диалект) *lol ju* ‘ольховая река’. Ср. р. *Ловля*, пр. пр. р. Соскся в Прилузском районе Республики Коми, < коми (в-вовый диалект) *lov ju* ‘ольховая река’ [Там же, с. 92].

Енволь (? лев. пр. р. Вымь) // Безусловно < коми (Вым.) *jen vol'* ‘божья роспись’ (см. [Сравнительный словарь..., с. 58]). Ср. р. *Енва* (лев. пр. р. Печора)

< коми *jen va* ‘божья вода’, р. *Енью* (пр. пр. р. Вишера) < коми *jen ju* ‘божья река’ [Афанасьев, 1996, с. 60]. См. также ниже.

Воль ← манс. (ВЛозь.) *βōl* ‘прямой отрезок реки между двумя поворотами, плес’ [Kannisto, 1927a, S. 77] = *Воль* (лев. пр. р. Малая Визинга, левого притока р. Сысола) // Коми альтернатива не исключена: коми (Вым.) *vol'* ‘росчисть, участок в лесу с очищенными от коры деревьями’ [Сравнительный словарь..., с. 58] ~ коми-перм. *vol'* ‘росчисть, участок в лесу, очищенный от деревьев для пашни’ ~ удм. *vel'i*, *vel'* (знач. то же); в силу надежной коми этимологии гидронима *Енволь* (см. выше) эта альтернатива представляется более основательной, чем мансийская гипотеза. В удмуртской топонимии аппеллятив *vel'* / *vel'i* весьма продуктивен [Атаманов, 1988, с. 63]. См. также ниже.

Воль ← манс. (ВЛозь.) *βōl* ‘прямой отрезок реки между двумя поворотами, плес’ [Kannisto, 1927a, S. 77] = *Воль* (лев. пр. р. Сев. Кельтма, левого притока р. Вычегда), коми *vel'*. Ср. также одноименный приток р. Вычегда [Сравнительный словарь..., с. 65] // См. выше. Колебания по вокализму (*o* ~ *e*) объяснимы: слово *vol'* в коми-зырянском языке практически забыто.

Имонья (? пр. пр. р. Сысола) ← (?) манс. (СЛозь.) **iim(ə)ŋjā* ‘песчаная река’ < *iim* ‘песок’ [Kannisto, 1927a, S. 77]. Фонетически довольно проблематично (переход *ə > *o*) // Реки с таким названием на картах нет. Если все же это не результат какой-то ошибки, то возможна связь с коми глаголом *intiŋj* ‘попасть, угодить’ (например, *inman ju ‘река попадания, достижения’ – по которой можно попасть куда-либо).

Вежья = Вежью (лев. пр. р. Лэпью, правого притока р. Сысола) // < коми *vež ju* ‘зеленая река’ [Афанасьев, 1996, с. 38].

Нюль ← (?) манс. (Пел., НЛозь.) *ńili*, (СЛозь.) *ńili*, (С) *ńuli* ‘пихта’ = *Нюль* (пр. пр. р. Сысола) // Возможно, связано с корнем **ńil-*, сохраненным в коми *ńil'eg*, (Уд., Печ.) *ńil'eg*, (Иж.) *ńil'eg* ‘склизкий, скользкий; налет, слизистый осадок’, (ВСыс.) *ńil'ę* ‘гнилая колода’ [Сравнительный словарь..., с. 237, 241].

Пешья ← (?) манс. (ВЛозь.) *pēs jā*, (Т.) *pis je* ‘старое русло реки’ [Kannisto, 1927a, S. 77] = *Пешью* (лев. пр. пр. р. Сысола) < коми *pēš-ju* ‘река молодого ельника’ (коми диал. *pēš* ‘молодой ельник, чаща’) [Афанасьев, 1996, с. 123].

Пешья – см. выше.

Тетеря (? лев. пр. р. Вымь) // На современных картах не обнаружена. Очевидно, русское название.

Тодья (? приток р. Вымь) // < коми *tod* ‘болотистое место с низкорослым ельником’ [Сравнительный словарь..., с. 370]. Аналогично названию р. *Тыд*, левого притока р. Мезень [Афанасьев, 1996, с. 146].

Соня (? приток р. Вымь).

Чимъя-верек = на картах Чинъяворык (пр. пр. р. Весляна, левого притока р. Вымь), правильно – коми *ćimia-vęrgęk* ‘семужий ворох’ в смысле ‘река, богатая семгой’ [Там же, с. 156].

Ватя (? приток р. Весляна, левого притока р. Вымь).

Бадья (? лев. пр. р. Сев. Кельтма, левого притока р. Вычегда) = одно из множества названий рек типа *Бадья* < коми *badja* ‘ивовая’ [Там же, с. 23].

Позья ← манс. (Пел.) *rəs*, (ВЛозь.) *rōs*, (С) *rōs* ‘знак, метка’ [Kannisto, 1927a, S. 77]. Помимо того, что мансиjsкое слово заимствовано из коми (*ras* ~ удм. *rus* ‘знак, тамга’) [Rédei, 1970, S. 136], сомнителен переход *s > *z* = *Позью* (лев. пр. р. Сев. Кельтма, левого притока р. Вычегда) < коми *roz-ju* ‘гнездовая река’ [Афанасьев, 1996, с. 125].

Бассейн Печоры

Раскулья (? лев. пр. р. Ижма) // Ср. множество названий рек с апеллятивом *Rac-* < коми *ras* ‘роща’ [Там же, с. 131].

Уши-Пеля (? лев. пр. р. Ижма).

Сосья ← манс. (С) *sɔz*, (НЛозь.) *šoš*, (Пел.) *šɔš* ‘ручей’ [Kannisto, 1927a, S. 76] = *Сосья* (пр. пр. р. Печора в нижнем течении), коми *sosja* ← манс. *sos* ‘ручей, речка’ + *ja* ‘река’ [Афанасьев, 1996, с. 139] // Один из двух-трех случаев (в бассейне Печоры), когда мансиjsкое происхождение названия возможно.

Косья = *Косью* (лев. пр. р. Ижмы) < коми *koś-ju* ‘порожистая река’ [Там же, с. 80].

Косья = *Косью* (лев. пр. р. Усы) – см. выше.

Лая = *Лая* (пр. пр. р. Печора) возможно ← манс. *lui-ja* ‘нижняя река’ [Там же, с. 88] // См. *Сосья*.

Воя = *Воя* (лев. пр. р. Печора) // < коми *voj* ‘ночь; север’.

Лем/Лым ← манс. (Т., СЛозь., Пел.) *lēm*, (НКон.) *lām*, (СКон.) *lēt*, (С) *lāt* ‘черемуха’ [Kannisto, 1927a, S. 87] = *Лемью* (лев. пр. р. Печора) < коми *lēm ju* ‘черемуховая река’ [Афанасьев, 1996, с. 89].

Хагемалья = *Торговая* (пр. пр. р. Щугор, правого притока р. Печора) // Гидроним ненецкого происхождения, находится в ареале распространения ненецкой топонимии и исторического обитания ненцев на Приполярном Урале.

Бассейн Вятки и верховья Камы

Лопья ← манс. (НКон., СКон., Пел., СЛозь.) *līp*, (НЛозь.) *līp* ‘дерево, лежащее в реке’ + *jā* ‘река’ [Kannisto, 1927a, S. 77] = *Лопья* (лев. пр. р. Кама). Ср. *Лопья* (пр. пр. р. Вишера), *Лопью* (несколько рек) ← манс. *loup ja* ‘река с корягами’ [Афанасьев, 1996, с. 92 – 93] // Ничто не мешает выводить эти названия из коми *lep ju* ‘река с мусором, с завалами’. См. подробнее выше. Не исключена связь и с коми *lop* ‘лопасть (весла)’. В любом случае на коми происхождение данных гидронимов однозначно указывают формы *Лопью*.

Лупья ← манс. (НКон., СКон., Пел., СЛозь.) *līp*, (НЛозь.) *līp* ‘дерево, лежащее в реке’ + *jā* ‘река’ [Kannisto, 1927a, S. 77] = *Лупья* (лев. пр. р. Кама) // См. *Лопья*.

Лупья ← манс. (НКон., СКон., Пел., СЛозь.) *līp*, (НЛозь.) *līp* ‘дерево, лежащее в реке’ + *jā* ‘река’ [Ibid] = *Лупья* (лев. пр. р. Кама) // См. выше.

Кым (две реки) = *Кым* (пр. пр. р. Кама) // Речки небольшие (названия малых рек как правило менее устойчивы), дорусская (собственно коми) форма названия неизвестна, поэтому есть широкие возможности для разных гадательных предположений (ср. коми *kotti* ‘Прикамье’, *kut* ‘амбар при охотничьей избушке’, *kot* ‘хариус’ и т.д.). Сопоставление с манс. (НКон.) *kət* – название реки в бассейне Конды [Ibid] ничем не лучше любого из этих вариантов, однако форма, какую мансиjsкое название приобрело в русской адаптации (*Кима*) достаточно далека от *Кым*.

Лонья (? приток Камы в ее верховьях) // Ср. удм. *lon* ‘лох (рыба)’ [Кротов, 1995, с. 121].

Кузья (? приток р. Чепца) ← (?) манс. (С) *χūz* ‘Schlangenwurz’; (Пел.) *kūshje*, (НКон.) *χūsəŋjā* ‘Schlangenwurzfluß’ [Kannisto, 1927a, S. 80 – 81] // Ср. общепермское *kuž* ‘длинный’.

Тыя (? приток р. Чепца) // Ср. общепермское *tj* ‘озero’.

Попья (? приток р. Холуница <какой? – В.Н.>) ← манс. (НЛозь.) *popi*, (Пел.) *riprı'* ‘ дух-покровитель’; *popi-ja* ‘река духов’ [Ibid, S. 82] // Не исключена связь с названием удмуртского рода *Пёбья* или с русским словом *поп*.

Бассейн Волги (Мариjsкое Поволжье)

Кумья Большая и Малая (? притоки р. Рутки, левого притока р. Волга).

Орья = *Орья* (лев. пр. р. Толмань, левого притока р. Немда, правого притока р. Пижма, левого притока р. Вятка).

Шуля = *Шуля* (верхний приток р. Малый Кундыш, левого притока р. Малая Кокшага, левого притока р. Волга) // Не решено предлагать пермские этимологии для этих гидронимов, тем более что и угорских нет. При желании и те и другие можно было бы придумать, но цена подобным придумкам невелика. Ясно, во всяком случае, что данные три названия не образуют единого ареала даже с псевдоугорскими гидронимами А. Каннисто, поэтому (при отсутствии к тому же угорских этимологий) могут спокойно быть отвергнуты.

Бассейн Камы

(Сарапульское Прикамье)

Шалья = *Шалья* (лев. пр. р. Кама).

Кальтия = *Кальта* (лев. пр. р. Пизы) // В любом случае даже окончание *-ja здесь выделить невозможно.

Аиъя / Оиъя ← манс. (Пел.) *ə᷑*, (НЛозь.) *o᷑* и т.д. ‘овца’ + *jā* ‘река’ [Ibid, S. 81] = *Оиъя* (пр. пр. р. Буй) // С тем же успехом можно сопоставить, например, с удм. *o᷑* ‘бык’ или коми *o᷑* ‘медведь’.

Оръя (? лев. пр. р. Буй).

Салья = *Салья* (пр. пр. р. Кырыкмас, левого притока р. Иж) // Безусловно связано с названием удмуртского рода *Салья* и образованными от него названиями населенных пунктов. Предположение о происхождении названия рода *Салья* от манс. *sāli* ‘олень’ [Атаманов, 1988, с. 37] чисто гадательное; в любом случае название реки связано с названием удмуртского рода, а не напрямую с обско-угорскими языками.

Как видим, из всего рассмотренного здесь списка лишь два-три гидронима, находящиеся в бассейне Печоры, могут быть объяснены из мансиjsкого языка без хорошей пермской альтернативы. Все остальные названия либо имеют очевидное пермское (коми) происхождение, либо, по крайней мере, вероятность их пермского происхождения не меньше, чем угорского (почти все предложенные пермские альтернативы весьма органично согласуются с принципами топонимической традиции коми и подтверждаются параллелями). Угорские этимологии топонимов Республики Коми, которые добавлены к списку А. Каннисто А.П. Афанасьевым, как правило, также не слишком надежны и являются отнюдь не лучшей частью его в целом очень добротной работы [Афанасьев, 1996]. Таким образом, из ареала распространения субстратных угорских гидронимов на северо-востоке Восточной Европы, очерченного А. Каннисто, безусловно должны быть исключены бассейны Пинеги, Мезени, большая часть бассейна Вычегды, верховья Камы, Сарапульское Прикамье и Марийское Поволжье.

Что касается более восточных районов (бассейн Печоры, бассейн Камы от Чердыни до Чусовой и далее на восток), то здесь, возможно, имеется некоторое количество мансиjsких топонимов: речь идет о районах исторического проживания манси. Хотя наблюдения А.Ф. Теплоухова [1924], находившего параллели в топонимике Русского Севера и Приобья, гораздо менее надежны, чем сопоставления А. Каннисто, приводимые им факты из исторических документов, свидетельствующие о пребывании в XV – XVII вв. обских угров (точнее – именно манси) в восточных районах Среднего Прикамья (бассейны рек Чусовой, Сылвы, Нейвы, Колвы и т.д.), не вызывают сомнения, равно как и аналогичные данные А. Каннисто [Kannisto, 1927a]. Более того, теоретически мансиjsкие топонимы могут быть обнаружены и далее на запад – в районах военно-политической активности *вогуличей* в XV – XVI вв. – вплоть до Великого Устюга, где *вогуличи* реально фиксируются документами [Теплоухов, 1960].

Показательно, например, наличие нескольких населенных пунктов с названиями типа *Вогульцы* возле г. Вятки, которые рассматривались в качестве аргумента в пользу “смены манси удмуртами” на Вятке [Теплоухов, 1960, с. 27 – 28; Атаманов, 1988, с. 96]. При этом забывают как минимум о двух обстоятельствах. Во-первых, этоним *вогул* является русским названием манси (от названия р. *Вогулка*), употреблявшимся в документах с XIV в. по отношению прежде всего к населению Пельмского княжества – западным и южным манси. Следовательно, вятские ойконимы возникли едва ли ранее XIV в. и относятся не к обским уграм вообще, а конкретно к пельмским *вогуличам*. Во-вторых, появление таких названий совершенно естественно, так как пельмские *вогуличи* действительно жили в Вятской земле: например, в 1467 г. после похода вятчан и пермяков на Пельм пельмский князь Асыка был взят в плен и приведен в Вятку [Оксенов, 1891, с. 252], есть множество сообщений о совместных военно-разбойнических экспедициях вятчан и *вогуличей* на Устюг и др., что свидетельствует о наличии между ними союзнических отношений, которые, надо полагать, подкреплялись взаимными визитами, наличием послов, аманатов и т.д. При чем здесь “смена угров удмуртами”?

Помимо концовки на *-ja на роль субстратного угорского (“угроидного”) топоформанта на севере Восточной Европы предлагался еще -ым/-им [Serebrennikov, 1969; Тепляшина, 1967]. Гидронимы на -ым/-им действительно не имеют, кажется, очевидного объяснения ни из пермских, ни из прибалтийско-финских, ни из саамского языков и распространены не только на севере Европейской России, но и в Приобье. Однако большинство из них не этиологизируются и из обско-угорских языков, являясь равным образом субстратными и в обско-угорской топонимии [Матвеев, 1968, с. 139 – 140]. Даже сам Б.А. Серебренников сумел предложить всего четыре обско-угорские этимологии для гидронимов на -ым [Serebrennikov, 1969, S. 284], причем все они, мягко говоря, небезупречны (например, *Кольчим* ← манс. (С) *χāl'äši*, (Слозь.) *khōl'ēś*, (Т.) *khālkhäś* ‘березовый лес’ – мансиjsкие формы по [Munkácsi, Kálmán, 1986, S. 75]; ни в коми, ни в русском языке данное мансиjsкое слово не могло приобрести искомого фонетического облика, не говоря уж о необъясненном окончании).

Проблема выявления западных границ былого обитания обских угров, и в частности манси, по данным топонимики была корректно пересмотрена в работах А.К. Матвеева, который показал, что каких-либо фактов, свидетельствующих в пользу наличия угорских топонимов западнее западных склонов Урала, за исключением районов среднего и верхнего течения

Печоры и левых притоков средней Камы, не имеется [Матвеев, 1982, с. 51 – 53]. Названия на -я, выявленные А. Каннисто, в частности, в Среднем Прикамье, безусловно, являются результатом русской адаптации коми гидронимов [Матвеев, 1961, с. 321]. Средневековые походы манси на Каму, Вычегду и т.д. – реальность, но что касается топонимики, то очевидно, что А. Каннисто, А.Ф. Теплоухов и др. “использовали случайный и по существу мало что доказывающий материал (чтобы убедиться в этом достаточно взглянуть на карту, приложенную к статье А. Каннисто)” [Матвеев, 1982, с. 50].

Итак, нет никаких оснований для предположений о наличии субстратной топонимики угорского происхождения на севере Восточной Европы, кроме районов исторического проживания манси более или менее proximity от Уральских гор, речь может идти только о следах позднего (XIV – XVI вв.) мансиjsкого (пельмских vogulichей) проникновения в Прикамье, на Вятку и Вычегду, хорошо известного по письменным источникам. Работы Д.П. Европеуса, А. Каннисто, А.Ф. Теплоухова и т. п. вообще не могут быть признаны надежным основанием для каких-либо выводов в силу их методических недостатков, которые имеет смысл здесь назвать, поскольку, как увидим ниже, эти же недостатки присущи и трудам современных “урго-самоедологов”:

1) самое главное – автор исходит не из материала, начинает не с системного статистического анализа топонимики определенного региона, а из интересующей его гипотезы, направление работы определяется произвольным выбором заинтересовавшего его языка/языков;

2) топонимы рассматриваются вне их реального бытования в конкретном языке (русском, коми), без учета особенностей адаптации субстратной топонимии;

3) отбираются любые удобные для автора формы топонимов и слова языков; А. Каннисто, например, рассматривал как свидетельства былого проживания угров на той или иной территории такие названия, как *Шайтанка*, *Молебка* и т. п. [Kannisto, 1927a, S. 81, 85];

4) абсолютизируется какой-либо один признак, то-поформант, не учитываются принципы номинации географических объектов, топонимическая традиция того или иного языка;

5) не учитывается история языка: субстратные, т. е. относительно старые топонимы, этимологизируются с опорой на произвольно отобранные формы современных языков и диалектов, без реконструкции правильных соответствующего времени и предположительного диалекта;

6) не учитываются возможные альтернативные этимологии из других языков, прежде всего исторически бытовавших на данной территории.

Аналогичные недостатки характерны и для методологии исследователей, пытающихся объяснить некоторые гидронимы Русского Севера из самодийских языков, точнее, за редчайшим исключением, из одного из них – селькупского. Побудительным мотивом и единственным реальным основанием для этих попыток является то обстоятельство, что в селькупском языке есть слово *kj* ‘река; середина’ [Erdélyi, 1970, p. 94 – 95]. Именно это слово увидел А.П. Дульзон [1960, с. 6; 1961, с. 365 – 366] в названиях рек на севере Восточной Европы, оканчивающихся на -ка (-га). При этом не принималось во внимание ни то, что концовка на -ка, в принципе, может быть просто русского происхождения (ср. *елка*, *палка*, *Амазонка* и т.д.), ни то, что западносибирские гидронимы, происходящие от селькупских названий рек на *kj* (*Часелька*, *Королька* и др.), в 90% случаев имеют в русской адаптации -ка, а восточноевропейские названия рек оканчиваются чаще на -га. Удалось даже изыскать в Восточной Европе названия, которые могут целиком быть объяснены из селькупских слов [Беккер, 1970, с. 16 – 18]. Их, впрочем, мало, и качество этих сопоставлений весьма невысоко: ср., например, *Шагарка* якобы ← сельк. *шēгъ* ‘черный’ (сомнителен воказлизм). Подобная “методика” дает очень широкие возможности для дальнейших изысканий того же уровня. Например, на территории Моравии и Южной Чехии множество названий рек на -ва: *Влтава*, *Отава*, *Морава* и др., и они плохо объясняются из славянских языков. Почему бы не объявить их субстратными топонимами пермского происхождения (ср. коми *ua* ‘вода’, ‘река’ в топонимах типа *Обва*, *Иньва*, *Язвва* и др.)? Расстояние от Прикамья до Чехии немногим больше, чем до селькупского Приобья, и найти подходящие апеллятивы в пермских языках при желании нетрудно (см. также Приложение).

В свое время А.П. Дульзон предполагал наличие на севере Восточной Европы не только “селькупской” гидронимии на -ка/-га, но и гидронимии саяно-самодийского происхождения на -ба/-ва/-ма – якобы от матор. *бы*, камас. *бу* ‘вода’ [1961, с. 365]. Однако эта точка зрения не получила распространения – думаю, не столько в силу абсолютного отсутствия каких-либо оснований (для “селькупской” гипотезы это препятствием не стало), а просто потому, что под рукой у возможных энтузиастов-продолжателей не нашлось соответствующих словарей. Это отрадно, так как позволяет сэкономить место. Впрочем, словари иногда находятся, и список народов, якобы посещавших Среднее и Верхнее Прикамье и оставивших там свою топонимику, не ограничен обскими уграми, селькупами, камасинцами и маторами: добавьте сюда еще кетов, сибирских тюрков [Кривощекова-Гантман, 1973, с. 132] и ненцев [Атаманов, 1988, с. 95]. Почему-то забыли нивхов и айнов; предвидя расширение этого

списка народов, я спешу внести в общую работу свой вклад – см. Приложение.

Гипотеза о самодийском происхождении субстратных топонимов Русского Севера была проанализирована в нескольких работах А.К. Матвеева. Прежде всего он отметил сомнительность того, что в Восточной Европе уже раздельно сосуществовали “протоселькупы” (топонимы на *-га/-ка*) и “протоюжносамодийцы” (*-ма/-ба*) [Матвеев, 1964б, с. 104]. Далее было показано, что значительная часть топонимов такого рода получила окончание на *-а* на собственно русской почве, о чем свидетельствует наличие таких топонимических пар, как *Курга ~ Кургозеро* [Там же, с. 108]. В тех случаях, когда концовки на *-га/-ка/-ма* (*-ба* не фиксируется в любом случае!) все же обнаруживаются, они не являются самостоятельными топоформантами, а представляют собой лишь произвольно вырванные части более сложных формантов: *-енъга*; *-юга/-ега*; *-ома/-ема*; *-ожма/-ежма*, которые образуют определенные ареалы [Там же, с. 106 – 108; Матвеев, 1964а, с. 80 – 81]. Фонетический анализ топонимов указанных групп показывает, что топонимы на *-юга/-ега* и на *-енъга* отражают языки с различным фонетическим строем и могли быть оставлены носителями пермских, прибалтийско-финских, саамских, неизвестных палеоевропейских, но никак не самодийских языков (наборы согласных в начальной и инлаутной позиции и сочетаний согласных, характерные для топонимов этих групп, абсолютно не совпадают с характерными особенностями консонантизма самодийских языков) [Матвеев, 1964б, с. 107 – 112; 1964а, с. 67 – 68]. Работы А.К. Матвеева являются собой прекрасный и, к сожалению, довольно редкий пример методологически корректного анализа данных топонимики, и его вывод однозначен: “Нет никаких оснований считать, что топонимы на *-га* восходят к самодийским источникам” [Матвеев, 1964б, с. 115].

Учитывая те же обстоятельства, на которые указывал А.К. Матвеев, А.П. Дульзон в поздней своей работе признал, что наличие в Западной Сибири гидронимов на *-ка*, образованных от сельк. *kj*, “ничего не говорит о происхождении аналогичных названий, встречающихся в виде плотных ареалов к западу от Урала” [1970, с. 88].

Как видим, оснований для утверждений о самодийских (точнее – селькупских, что не одно и то же – см. выше пункт 5 в списке методических недостатков) гидронимах на севере Восточной Европы (кроме исторических районов проживания ненцев, естественно) еще меньше, чем об угорских: *самодийских гидронимов здесь, насколько это вообще можно утверждать, нет и быть не может*. “Предположения о существовании массовых угорских и самодийских элементов в субстратной топо-

нимии Русского Севера не подтверждаются” [Матвеев, 1964а, с. 83].

Были предложены самодийские “этимологии” и для некоторых ойконимов и микроэтнонимов Башкирии [Васильев, Шитова, 1982]. Хотя теоретически участие каких-то древних самодийских групп в великом переселении народов и вхождение их в состав конгломератов степных племен V – XIII вв., а затем и в состав башкир не исключено, каких-либо реальных фактов, свидетельствующих об этом, нет. Побудительным мотивом к таким изысканиям послужила гипотеза В.И. Васильева о древней родоплеменной группировке “самодийцев-*кара*”, выделенной им в основном по названиям ненецкой фратрии *Харючи*, селькупской племенной группировки *karal'-qut* и этоному саянских самодийцев *карагасы* [Васильев, 1979, с. 29 – 32] (подробнее об этих этнонаимах см. [Найду, 1950, р. 83 – 85, 93 – 97]). Это, однако, не значит, что всякий этноним, содержащий в себе компонент *kara следует объявлять самодийским, в особенности когда речь идет о районах исторического расселения тюрков, так как в тюркской ономастике очень активно используется общетюркский appellativ *kara* ‘черный’. Поскольку тюркские названия на *kara* широко распространены по всей Северной Евразии, оказалось возможным обнаруживать следы “самодийцев-*кара*” где угодно, в том числе и в Башкирии [Васильев, Шитова, 1982]: *Каратавлы* (тат., башк. *kara taqlā* ‘с черной горой, Черногорье’), *Карагулово* (от тюрк. *kara(y)ul* ‘караул’ ← монг. [Räsänen, 1969, S. 235 – 236]) и т.д. С этой точки зрения самодийцами можно объявить и *карачаевцев*, и *каракалпаков*, и *картвелов*, и всех картавых.

Открывателем “угорских” и “самодийских” топонимов на территории Удмуртии является М.Г. Атаманов, творчество которого особенно показательно, так как он опирается на достижения своих предшественников, перечисленных выше, и заходит даже дальше их. Интересно, что в списке этих предшественников он почему-то в одном ряду с Д.П. Европеусом, А.П. Дульзоном и др. упоминает и А.К. Матвеева, что едва ли оправдано: А.К. Матвеев действительно “писал” [Атаманов, 1988, с. 93] на эту тему, однако, как было показано выше, его методика и выводы радикальным образом расходятся с методикой и выводами, милыми сердцу М.Г. Атаманова.

Можно было бы, наверное, ограничиться простым указанием на то, что (обско-)угорские и самодийские сопоставления М.Г. Атаманова и иже с ним ненадежны, немногочисленны, не образуют, даже по признанию самого автора [Там же, с. 97], сколько-нибудь значительного топонимического пласта, имеют все указанные выше недостатки и поэтому ни в коем случае не должны приниматься во внимание в палеоисторических исследованиях. Однако подобная общая

негативная оценка может показаться представителям нелингвистических дисциплин неубедительной, а “гипотезы” М.Г. Атаманова весьма известны хотя бы в пределах Удмуртии. Поэтому рассмотрим несколько примеров.

В названиях рек *Лумпа* ~ *Лумпо*, *Лумпашур* и т.п. М.Г. Атаманов находит селькупское слово *l̩mpä* ‘болото’ [Там же, с. 94] (точнее – ‘зыбун, топь; сырое место’ [Erdélyi, 1970, p. 118, 159]). Сначала небольшое замечание исторического плана. Поскольку в этих топонимах сохраняется сочетание согласных “носовой + смычный” (-*mp*-), следует считать (если принять гипотезу об их селькупском происхождении), что они появились в удмуртском языке уже после завершения процесса пермской деназализации (переход типа *mp > *b*). Считается, что под этот процесс попали по крайней мере три булгарских заимствования [Wichmann, 1903, p. 129; Rédei, 1969, S. 329], следовательно он завершился едва ли раньше IX в. н. э. Таким образом, проникновение “селькупских” топонимов с сочетанием “носовой + смычный” в удмуртский язык могло иметь место никак не ранее IX – X вв. У М.Г. Атаманова имеется целая серия таких топонимов: *Лумпа*, *Шундошур*, *Сундо*, *Юнга*, *Англемть*, причем они разбросаны практически по всей Удмуртии [Атаманов, 1988, с. 94 – 95]. Значит, если верить М.Г. Атаманову, то следует признать, что еще в раннем средневековье вся территория Удмуртии была заселена селькупами, а пермяне – предки удмуртов появились здесь не раньше IX в. н. э.! Даже самым горячим сторонникам “угро-самодийских” теорий такой вывод, думаю, покажется диким, однако по-другому интерпретировать выводы М.Г. Атаманова невозможно.

Таким образом, топонимы типа *Лумпо* относительно молодые и представляют собой композиты или суффигированные слова, а морфемная граница в них проходит между *m* и *n*.

Название р. *Лумпун(ъ)* – правого притока р. Кильмезь предложено этимологизировать из сельк. *l̩mpä* и манс. *унь* ‘запруда в реке’ (о втором слове подробнее см. ниже) [Там же, с. 94]. Следуя подобному подходу, суть которого заключается в том, что любое интересующее исследователя отдельно взятое название можно произвольно разлагать на любые компоненты, а затем подыскивать для них любые более или менееозвучные слова в разных языках (набор которых ограничен только желаниями и кругозором автора), можно было бы, например, “этимологизировать” название страны *Нигерия* как состоящее из рус. *ни* (отрицание) + удм. *геры* ‘соха’ + рус. *я* = “я – не соха”, семантически немногим хуже, чем “запруда на болоте” (см. также Приложение).

Другого подхода, впрочем, нельзя и ожидать – только так можно доказывать недоказуемое и нахо-

дить то, чего нет. Беда, однако, не только в этом: в данном случае перед нами пример, наглядно показывающий, как не следует подходить к анализу топонимики и к этимологии вообще. Предпочитая форму названия реки *Лумпунь* с мягким *-*ň* на конце (это дает возможность сопоставлять его с манс. *унь*), М.Г. Атаманов, как и в большинстве других случаев, не уточняет, о слове какого языка идет речь, что само по себе для исследователя, претендующего называться лингвистом, довольно странно (см. выше пункт 2 в списке методических недостатков). Между тем мы имеем здесь дело с названием реки, употребляемым в русском языке (точно так же в приведенном выше примере я намеренно не уточнял, что название *Нигерия* – тоже слово русского языка, и оно далеко не идентично фонетически англ. *Nigeria*), следовательно анализировать его нужно для начала как русское слово. Поскольку рус. *река* женского рода, большинство названий рек в русском языке также женского рода; соответственно адаптируются в русском языке и иноязычные названия рек – чаще всего с окончаниями существительных женского рода. Поэтому при наличии дублетных форм названий рек нерусского происхождения с мягким знаком на конце (показатель женского рода) и без него – как в случае с *Лумпун(ъ)* – следует отдавать предпочтение при реконструкции дорусского оригинала форме без мягкого знака, в данном случае – *Лумпун*, поскольку для ее возникновения на собственно русской почве нет специальных оснований.

Реконструкция дорусского названия реки *lumpin позволила бы оценить сопоставление конца слова с манс. *унь* как фонетически некорректное и поэтому маловероятное. Однако слова *унь* ‘запруда в реке’ в мансийском языке, кажется, нет. М.Г. Атаманов имеет в виду, по-видимому, манс. (С, Слоз., К.) *йп* ‘кол, свая, шест рыболовного закола’ [Munkácsi, Kálmán, 1986, S. 695]. Фонетически данное слово в принципе сопоставимо с *-*ип* в *lumpin, но что должно скрываться за селькупско-мансиjsким ‘трясинный шест рыболовного закола’, и может ли существовать подобное гибридное название вообще (манси с селькупами не создавали гибридных топонимов, видимо, никогда – даже в Сибири)? Две ошибки М.Г. Атаманова (манс. *ун*, а не *унь*; изначально *Лумпун*, а не *Лумпунь*) в данном случае нейтрализуют друг друга, но качество его работы едва ли нуждается в комментариях.

С другой стороны, поскольку с исторической точки зрения надо полагать, что название р. *Лумпун(ъ)* могло попасть в русский язык прежде всего из удмуртского, следовало бы в первую очередь проверить, не может ли оно иметь собственно удмуртской (пермской) этимологии (см. пункт 6 в списке методических недостатков). Слово *lumpin разлагается на два

прапермских корня: *lun ‘день, полдень; юг’ (> коми *лун* ‘день’; удм. *нунал* ‘день’, *лымшор* ‘юг’, *лумбыт* ‘весь день’) и *роj ‘конец’ (> коми *ном*; удм. *пум*, (пер.-юж.) *рир* ‘конец’). ППерм. *lun-roj (> *lumroj) ‘южный конец’ является весьма подходящим названием для реки, которая течет практически строго с севера на юг. Вероятно, слово было заимствовано в русский язык из (древне)удмуртского диалекта, где сохранялся конечный *-η: при исходной форме типа удм. *lumrūt следовало бы ожидать скорее рус. *Лумпум, а не *Лумпун*.

Предположение о происхождении рус. *Лумпун(ь)* из (древне)удм. *lumrij < ППерм. *lum-roj ‘южный конец’ не только безупречно объясняет фонетический облик вариантов русского названия реки, но и позволяет включить данный гидроним в систему пермской гидронимии: сп. множество названий рек с appellativом *lun* ‘южный’ в топонимии коми [Афанасьев, 1996, с. 93 – 94].

Возвращаясь к топонимам типа *Лумпо/Лумпана*, нужно сказать, что, если принять сделанный выше вывод о необходимости делить их как *lum-ro, в их первой части следует видеть все тот же общепермский корень *lun ‘юг’ (помятуя и о продуктивности этого appellativa в коми топонимии). Вторая часть представляет собой проблему, для решения которой можно предложить следующее: возможно существование древнеудмуртских диалектов, в которых в абсолютном исходе слова имел место переход */> *u (как в удм. (М.-У.) *skāu* ‘корова’, *vāu* ‘лошадь’ при удм. (лит.) *skal*, *val* [Wichmann, 1987, p. 67, 310]). В таком случае ППерм. *lun-pal ‘южная сторона’ дало бы древнеудм. (диал.) *lumrāu, которое, в свою очередь, при заимствовании в русский или в “нормальный” удмуртский диалект могло быть усвоено как *lumro. Можно, впрочем, дать и другие пермские объяснения; важно, что топонимы на *лумп-* в принципе вполне объяснимы из пермского материала, а принятие сомнительной гипотезы об их селькупском происхождении приводило бы к совершенно неприемлемым этноисторическим заключениям.

Название рек *Колтымак* (приток р. Тоймы в Алнашском р-не Удмуртии) и *Кылт* (лев. пр. р. Вала) М.Г. Атаманов этимологизирует из сельк. *колд* ~ *колдэ* и т.д. (сельк. (С) *qoltj* [Erdèlyi, 1970, p. 76]) ‘большая река’. При этом *-мак* он объявляет “точектировщиком”, находя его также в других названиях рек: *Сосмак*, *Челтымак* и т.д. [Атаманов, 1988, с. 94]. Название района г. Ижевска *Колтома* и сходные с ним в других населенных пунктах типа *Колтыма* ~ *Колтома* он выводит из сельк. *калдэ* ‘выступающий участок (залив, клин тундры)’ (в словаре И. Эрдея этого слова нет). Из того же *калдэ* он выводит и название деревни *Халды* (удм. *Калдӣ*) в Селтинском р-не Удмуртии [Атаманов, 1997, с. 48].

Интерпретация рус. *Халды* ~ удм. *Калдӣ* – удачный пример нежелания М.Г. Атаманова учитывать элементарные лингвистические факты. Понятно, что слова связаны друг с другом, не ясно только, из какого языка в какой произошло заимствование. Поскольку в русском языке есть фонемы *k* [k] и *χ* [χ], а в удмуртском – только *k*, рус. *χ* в удмуртском произношении передается как *k*, а вот удм. *k* остается *k* и в русском. Значит, по чисто фонетическим критериям следует возвращать удм. *Калдӣ* к рус. *Халды*, а никак не наоборот. Кроме того, название деревни представляет собой множественное число от рус. (Смол., Яросл., Вят.) *халда* ‘бесстыжий, распущенный человек’ [Фасмер, 1986 – 1987, т. 4, с. 217]. Названия населенных пунктов, являющиеся уничтожительным словом во множественном числе (типа *Вороны*, *Хохряки*, *Охламоны* и т.п.), – характернейшая черта русской ойкономии. Таким образом, для *Халды* едва ли надо искать объяснение в селькупском.

Вообще, говоря о названиях на *кылт-/колт-* нельзя не учитывать, что в субстратной топонимике Русского Севера достаточно распространены гидронимы на *колд-*: *Колда*, *Колдозеро*, *Колдома* [Матвеев, 1989, с. 14]. Наличие в этом ряду гидронима *Колдуга* указывает на принадлежность этих названий к кругу гидронимов на *-юга*, которые имеют бесспорно финно-пермское, а скорее всего – пермское (точнее было бы сказать “парапермское”) происхождение [Vasmer, 1934 – 1936, Bd 4, S. 78; Матвеев, 1964б, с. 108; Ahlqvist, 1992, p. 108 – 109].

Название реки *Кылт*, как верно заметил М.Г. Атаманов, имеет параллель в коми гидронимии – р. *Кылтова* (коми *Кывтыва*, где *ва* ‘вода, река’), лев. пр. р. Вымь. Наличие такой параллели укрепляет позиции гипотезы о пермском происхождении данных названий. Совершенно неприемлема этимология А.П. Афанасьева для коми *Кывтыва* из гибридного манс. *ховт* ‘ельник’ + хант. *ов* ‘течение реки’ [Афанасьев, 1996, с. 84]. Во-первых, потому, что само существование такого гибридного топонима в отдалении от мест реального контактирования ханты и манси весьма сомнительно, во-вторых, потому, что русская форма названия (*Кылтова*, основа – *Кылт-*) и удмуртская параллель (*Кылт*) однозначно указывают на праформу типа **kylt-*, которая не может происходить от манс. *ховт*. Связь этих названий с сельк. *qoltj* ‘большая река’ затруднена фонетически (-o- ~ -i-) и семантически неясна: рассматриваемые реки во всяком случае не большие. С другой стороны, имеются пермские корни, с одним из которых, по-видимому, связано происхождение этих названий: коми (Уд.) *kjvt* ‘тропа, проторенный след зайца, выдры, куда ставят капканы’ [Сравнительный словарь..., с. 184], или коми (Луз., НВыч., Скр., Уд.) *kijvtnj*, (ВСыс., ЛЛет., Печ., ССыс.) *kiltnj* ‘плыть по течению’ [Там же, с. 184 – 185], или

коми *kęvtnj* ‘ловить бреднем рыбу, снимать с поверхности’ [Там же, с. 168], удм. *kaltjnj* ‘ловить рыбу неводом, бреднем’.

Как уже было указано выше, название *Колтома* имеет параллель (*Колдома*) в гидронимии Русского Севера. Если эти слова действительно связаны между собой, то рус. (Вят.) *колтрома* ‘часть, конец населенного пункта’ [Словарь..., вып. 14, с. 196] может представлять собой русский народный топоним, принесенный на Вятку и в Удмуртию русскими переселенцами с запада. Его происхождение в таком случае связано с гидронимами на *-юга* (см. выше) и не может иметь никакого отношения к селькупскому языку.

Не исключено, однако, что рус. (Вят.) *колтрома* (вариант, если верить М.Г. Атаманову, *колтыма*) связано не с субстратным гидронимом *Колдома*, который все-таки весьма далек от Вятки, а с местным гидронимом *Колтымак*: отпадение конечного *-к* могло произойти на русской почве при употреблении названия *Колтрома(к)* как слова женского рода (в Ижевске еще и по аналогии с противостоящей Колтроме *Зарекой*). Загадочный топоформант *-мак*, выделяемый М.Г. Атамановым в *Колтымак* и др. [Атаманов, 1988, с. 77, 94 – 95], в ряде случаев является тюркским суффиксом имени действия *-mak/-mäk*, сохранившимся и в татарском языке как разговорный и устаревший, например *Сосмак* (деревня в Можгинском р-не Удмуртии) ← тат. *sōsmak ‘черпание; (место) где черпают воду’ <*sōs-* ‘черпать’>. Во многих других случаях, однако, выделение этого форманта явно ошибочно: в Удмуртии, Татарии, Башкирии и т.д. имеется большое число тюркских по происхождению топонимов типа *Урустамак*, *Стерлитамак*, *Муртыштамак*, в которых наличествует компонент *-тамак/-тымак* ← тюрк. (в том числе тат.) *tamak* ‘горло, глотка; устье реки’. Очевидно, этот же тюркский топоформант присутствует и в *Колтымак* – топониме, который также целиком объясняется из татарского языка: тат. *kul* ‘овраг, сухое русло, ответвление оврага, долины’ + *tamak* ‘устье’ = ‘овражное устье’. Ижевская *Колтрома* действительно находится возле устья речки Подборенки, текущей по глубокому оврагу.

Как видим, все “селькупские” топонимы М.Г. Атаманова на *колт-/кылт-* происходят из русского, татарского или пермских языков.

Даже на фоне других изысков М.Г. Атаманова поражает его этимология гидронима *Шундошур* из сельк. *шынт ~ шундъ* ‘болотный ручей’ [Там же, с. 94]. Такого слова в имеющихся у меня селькупских словарях нет; не появилось ли *шынт ~ шундъ* у М.Г. Атаманова в результате какого-то недоразумения? Впрочем, это неважно: название *Шундошур* является безусловно удмуртским, его написание в орфографически строгой форме литературного языка должно выглядеть как

Шундышур или *Шундыёшур* ‘солнечная речка’. Ссылка М.Г. Атаманова на “параллельные” формы типа *Сундошур*, которые якобы отражают диалектные особенности селькупского языка, ничему не помогает: уверовать в то, что селькупский язык существовал на территории Удмуртии в различных своих современных диалектных вариантах очень трудно. Видимо, то-понимы *Сундошур*, *Сундур*, *Сунды* напрямую не связаны с *Шундошур*.

Названия г. *Яранск* и рек типа *Ярань* и т.п. М.Г. Атаманов связывает с коми названием ненцев *яран* [Атаманов, 1997, с. 49]. Коми *jaran* ‘ненец’ заимствовано из манс. (С) *jōrən* или хант. (К., Цин.) *järən* ‘ненец’ [Steinitz, S. 407] и относится исключительно к тундровым ненцам, в удмуртском языке этот этоним не известен, и известен быть не мог, так как, во-первых, им некого было бы называть (ненецкая тундра от Удмуртии далековато), во-вторых, он попал в коми язык в ходе контактов коми с ненцами и об斯基ми уграми на нижней Оби, скорее всего, в эпоху распада пермского прайзыкового единства. Поскольку в районе Яранска никогда не жили не только ненцы, но и коми, остается совершенной загадкой, каким образом данное коми слово могло послужить источником для названия рек и города. На самом деле название города *Яранск* происходит от названия реки *Яран(ъ)* (мягкий знак – результат русской адаптации), которое, видимо, совпадает с топоформантом *-еран(ъ)*, имеющимся в топонимии Республики Марий Эл, и объясняется из марийского языка: мар. *jer* ‘озеро’ + *an* ‘горловина, устье’ (т.е. ‘озерное устье’) [Галкин, 1989, с. 44].

Название притоков Валы и Ижа *Яган* М.Г. Атаманов выводит из хант. *ёган ~ юган* ‘река’ [1988, с. 96]. Если принять это объяснение, то придется признать, что помимо манси, селькупов и ненцев на территории Удмуртии жили еще и ханты. Родство хантыйского и мансиjsкого языков здесь ничего не меняет: речь идет о специфической хантыйской форме. На самом деле перед нами гидронимы тюркского происхождения: тюрк. **jäkän ~ jägän* (башк. *jěkän ~ jěgän*, тат. *žikän*) ‘тростник, рогоз, камыш, используемый для плетения циновок; тростниковая циновка’ [Räsänen, 1969, S. 195].

Названия д. *Сосмак* (Можгинский р-н Удмуртии), р. *Шошима* (пр. пр. Вятки в ее нижнем течении), д. *Дасос* (Юкаменский р-н Удмуртии) М.Г. Атаманов выводит из манс. *coc ~ шоши* ‘ручей, вытекающий из болота’. Относительно *Сосмак* ← тат. см. выше. Название *Дасос* может иметь удмуртскую этимологию: образование от *das* ‘десять’ с суффиксом *-os*, в современном языке малопродуктивным и служащим для образования отлагольных существительных (*pirtos* ‘примак, приемный (отец и т.п.)’ <*pirtijnj* ‘вводить’>). Не исключено, что этот суффикс мог иметь в

прошлом и более широкое употребление и служил и для отыменных образований типа **dasos* в значении ‘десятка’ или ‘десятый (сын, например)’. Дело, однако, не в этих альтернативах, а в нежелании М.Г. Атаманова учитывать историю мансийского языка, возможности адаптации мансийского материала в удмуртском языке и законы мансийской топонимической традиции (см. пункты 2, 5 в списке методических недостатков). Манс. (С, Кон.) *sōs*, (Пел.) *śōś*, (Т.) *śaś* ‘ручей’ [Munkácsi, Kálmán, 1986, S. 564] следует возводить к общемансийской прайформе **śōś*, которая в удмуртском языке должна была отразиться как **śōś*, наличие же форм на *sos* и *śoś* предполагает, во-первых, что данные топонимы были заимствованы уже после мансийского перехода **ś > *s / *ś*, т.е. являются относительно новыми, и, во-вторых, что на рассматриваемой территории существовали мансийские диалекты с различным отражением старого **ś*. Далее, в мансийской топонимии нет топоформантов типа *-mak*, а формант *sōs* употребляется, как правило, с какими-либо апеллятивами (предложенное сопоставление **da-* в Дасос с манс. *īō* ‘озеро’ [Атаманов, 1988, с. 95] фонетически настолько натянуто, что даже сам автор приводит его под вопросом). Характерно, что все эти проблемы у М.Г. Атаманова даже не рассматриваются.

Приведенные выше альтернативы сопоставлениям М.Г. Атаманова отнюдь не являются столь же случайными параллелями: пермяне и, в частности, удмурты, равно как и татары и русские реально живут и жили на рассматриваемой территории, в отличие от селькупов или манси. Впрочем, моей задачей было не предложение таких альтернатив, а демонстрация с их помощью некорректности методов и ненадежности выводов М.Г. Атаманова.

Предлагаемые мною варианты этимологий некоторых этнонимов на территории Удмуртии предусматривают учет одного важного с методологической точки зрения обстоятельства, о котором М.Г. Атаманов, видимо, и не задумывается – согласно его взорениям, на территории Вятско-Камского междуречья с аланьинского времени имела место непрерывная последовательность смены гомогенных в этноязыковом отношении групп: прaperмяне – праудмурты – удмурты [Атаманов, 1997, с. 27] (если, разумеется, не считать воображаемой смены ими селькупов, манси, хантов и др.). Вполне признавая эвристическую ценность такого подхода, я никак не могу рассматривать эту схему как модель реальных исторических процессов на данной территории. Следует учитывать наличие в прошлом множества диалектов и этнографических групп, как принадлежащих к известным нам этноязыковым группам и семьям, так и не оставивших прямых языковых потомков вообще. Применительно к пермской этнической истории это означает, что

удмурты должны были формироваться в ходе сложных ассимиляционно-интеграционных процессов прежде всего в пермской среде, в которые помимо эндо-пермян были вовлечены многие парапермские группы (подробнее и о терминах см. [Напольских, 1997, с. 112 – 113]). Поэтому весьма перспективны поиски на территории исторического проживания удмуртов в первую очередь субстратных топонимов *парапермского* происхождения (к ним предварительно можно отнести некоторые из предложенных выше). Эта работа требует системного и последовательного анализа топонимики Удмуртии и прилегающих территорий, который до сих пор преимущественно подменялся весьма поверхностными разысканиями в духе “угро-самоийских” теорий.

Последним достижением “угро-самоедологии” являются, по-видимому, сочинения Л.Ш. Арсланова [1993; 1996], который обнаружил новый очаг искомой топонимики по месту своего жительства – в Нижнем Прикамье. Здесь перед нами – возврат к истокам традиции, а именно к уровню методики и богатству фантазии Д.П. Европеуса. Приведу два характерных примера (полностью сохраняю в цитатах написание автора). Название деревни *Беркет-ключ* (тат. (мишар.) *беркет* ‘орел’), автор приводит еще вариант тат. *Баркәтә* (если это верно, то, видимо, от тат. *бәрәкәт* ‘изобилие’), – “из двух топооснов: *бар* / *бәр* в значении ‘река’ (возможно, этнонима *por* обских угров) + *ката* (*кәтә*), который характерен для финно-угро-самоидских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и для диалектов татарского языка и др., даже носит ностратический характер, ср.: укр. *хата* ‘дом’ <...> Таким образом, большинство фактов свидетельствуют о финно-угорско-самоидском происхождении ойконима *Бәркәтә*” [Арсланов, 1996, с. 7]. Название деревни *Буранчи* (тат. ‘буранная’): “Мы склонны отнести данный топоним к марийскому источнику – гидрониму Поранча, который не имеет отношения к слову буран <на самом деле: мар. *poranča* ← тат. *burančä*. – В.Н.>. По мнению И.С. Галкина, в гидрониме Поранча выделяется топооснова *por* “мари” <удмуртское слово. – В.Н.> + *an* словообразовательный суффикс, который сохранился в коми языке. Ср. яран ‘ненец’” [Арсланов, 1993, с. 35]. Какие-либо комментарии, думаю, излишни.

Общий вывод из проделанного здесь критического обзора можно сформулировать следующим образом:

1. Построения разных авторов об “угорско-самоидской” топонимии в Восточной Европе представляют собой чудовищное нагромождение ошибок, непостепей и пустых фантазий.
2. В топонимии Восточной Европы, помимо территорий исторического расселения ненцев в тундре и лесотундре от Канина и Кольского полуостровов до

Урала, нет никаких следов былого обитания там каких-либо самодийцев. “Продвижение ненцев в европейскую тундру было единственной этнически релевантной миграцией самодийцев в районы к западу от Урала за несколько последних тысячелетий” [Хелимский, 1989, с. 10].

3. Распространение в Восточной Европе субстратной топонимии угорского происхождения ограничивается областями исторического расселения манси на западных склонах Урала, в бассейнах левых притоков Камы в ее среднем течении и в верхнем течении Печоры. В то же время исторические данные о довольно широком расселении южных и западных мансийских групп на территории современной Пермской области и о военно-политической активности мансийского Пельмского княжества в бассейне Вычегды оставляют принципиальную возможность обнаружения топонимов мансийского происхождения на более широкой территории в пределах обозначенных ареалов. Но на сегодняшний день никаких следов топонимии пражогорского происхождения (более древней, чем мансийская) в Восточной Европе не обнаружено.

Список сокращений

англ. – английский; башк. – башкирский; камас. – камасинский; кит. – китайский; коми (ВВыч. – верхневычегодский, ВСыс. – верхнесысолльский, Вым. – вымский, Иж. – ижемский, Печ. – печорский, Уд. – удорский); лев. пр. – левый приток; манс. – мансийский (ВЛозь. – верхняя Лозьва, Кон. – Конда, НКон. – нижняя Конда, НЛозь. – нижняя Лозьва, Пел. – Пельм, С – северный (северная Сосьва, Сыгва), СКон. – средняя Конда, СЛозь. – средняя Лозьва, Т. – Тавда); матор. – маторский; мар. – марийский (Г – горномарийский); п.-перм. – прaperмский; пр. пр. – правый приток; рус. – русский; сельк. – селькупский (С – северный, тазовско-туруханский); тат. – татарский; тюрк. – (обще)туркеский; удм. – удмуртский (пер.-юж. – периферийно-южное наречие, М.-У. – малмыжско-уржумский); хант. – хантыйский (К. – Конда, Цин. – Цингала); чув. – чувашский.

Список литературы

Арсланов Л.Ш. Финно-угро-самодийская топонимия Восточного Закамья // Арсланов Л.Ш., Казаков Е.П., Корепанов К.И. Финны, угры и самодийцы в Восточном Закамье (III в. до н. э. – XIV в. н. э.). – Елабуга, 1993.

Арсланов Л.Ш. Топонимия финно-угро-самодийского происхождения в районах западного Закамья Республики Татарстан // Финно-угроведение. – Йошкар-Ола, 1996. – № 4.

Атаманов М.Г. Удмуртская ономастика. – Ижевск, 1988.

Атаманов М.Г. История Удмуртии в географических названиях. – Ижевск, 1997.

Афанасьев А.П. Топонимия Республики Коми. – Сыктывкар, 1996.

Беккер Э.Г. О некоторых параллелях в гидронимии Европейского Севера и Западной Сибири // Языки и топонимия Сибири. – Томск, 1970. – Вып. 2.

Васильев В.И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. – М., 1979.

Васильев В.И., Шитова С.Н. Башкиро-самодийские взаимосвязи (к проблеме этногенеза башкир) // Вопросы этнической истории Южного Урала. – Уфа, 1982.

Галкин И.С. Основные типы топонимов на территории Марийской АССР // Вопросы финно-угорской ономастики. – Ижевск, 1989.

Генинг В.Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопросы финно-угорского языкоznания. – Ижевск, 1967. – Вып. 4.

Дульзон А.П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики // XXV Междунар. конгр. востоковедов: Докл. делегации СССР. – М., 1960.

Дульзон А.П. Дорусское население Западной Сибири // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1961.

Дульзон А.П. Этнически дифференцирующие топонимы Сибири и Дальнего Востока // Языки и топонимия Сибири. – Томск, 1970. – Вып. 2.

Европеус Д.П. Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России до прибытия туда нынешних жителей. – СПб., 1874.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Булгарии. – М., 1992.

Кривошёкова-Гантман А.С. К вопросу о западносибирском компоненте в топонимии Прикамья // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. – Томск, 1973.

Кротов З. Удмуртско-русский словарь. – Ижевск, 1995.

Матвеев А.К. Топонимические типы Верхнего и Среднего Прикамья // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. – М., 1961. – Вып. 2.

Матвеев А.К. Субстратная топонимика Русского Севера // Вопросы языкоznания. – М., 1964а. – № 2.

Матвеев А.К. О древнем расселении самодийцев по данным топонимики // Топонимика Востока. – М., 1964б.

Матвеев А.К. О древнейших местах расселения угорских народов (по данному языку) // Тр. Камской археологической экспедиции. – Пермь, 1968. – Вып. 4. – (Учен. зап. Пермского ун-та; Вып. 191).

Матвеев А.К. К вопросу о западных границах первонаучального расселения манси по данным топонимии // Ономастика Европейского Севера СССР. – Мурманск, 1982.

Матвеев А.К. Финно-угро-самодийская топонимия на территории СССР как объект лингвистического исследования // Вопросы финно-угорской ономастики. – Ижевск, 1989.

Напольских В.В. Введение в историческую уралистику. – Ижевск, 1997.

Оксенов А.В. Политические отношения Московского государства к Югорской земле // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1891. – Ч. 273, январь.

Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII – XIX вв.: Проблемы фратрии и рода. – М., 1983.

Словарь русских народных говоров: В 32 вып. – СПб., 1965 – 1968. – Вып. 14.

Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. Т.И. Жилина, М.А. Сахарова, В.А. Сорвачева. – Сыктывкар, 1961.

Теплоухов А.Ф. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами // Зап. Уральского об-ва любителей естествознания. – Свердловск, 1924. – Вып. 39.

Теплоухов А.Ф. О происшедшей некогда смене угров пермяками на верхней Каме, коми на верхней Вычегде и удмуртами на Чепце // Тр. Камской археологической экспедиции. – Пермь, 1960. – Вып. 3. – (Учен. зап. Пермского ун-та; Т. 12, вып. 1).

Тепляшина Т.И. К вопросу об этнониме *por* // Происхождение марийского народа. – Йошкар-Ола, 1967.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: Пер. с нем. и доп. О.М. Трубачёва / Под ред. Б.А. Ларина. – 2-е изд. стер.: В 4 т. – М.: Прогресс, 1986 – 1987. – Т. 1. – 576 с.; Т. 2. – 672 с.; Т. 3. – 832 с.; Т. 4. – 864 с.

Хелимский Е.А. Самодийская лингвистическая реконструкция и праистория самодийцев // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. – М., 1989. – Ч. 2.

Ahlqvist A. Финно-угорский субстрат в топонимии Ярославского края на материалах гидронимных формантов // Lisensiaatintutkimus. Helsingin yliopiston suomalais-ugrilainen kielentutkimus. – Helsinki, 1992.

Erdélyi J. Selkupisches Wörterverzeichnis // Indiana University Publications. Uralic and Altaic Ser. – Bloomington, 1970. – Vol. 103.

Fokos-Fuchs D. Syrjänisches Wörterbuch. – Budapest, 1959. – Bd 1, 2.

Hajdú P. Die Benennungen der Samojeden // Journal de la Société Finno-Ougrienne. – Helsinki, 1950. – Vol. 54.

Kannisto A. Über die früheren Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamenforschung // Finnisch-ugrische Forschungen. – Helsinki, 1927a. – Bd 17.

Kannisto A. Zur Frage nach den älteren Wohnsitzen der obugrischen Völker // Finnisch-ugrische Forschungen. Anzeiger. – Helsinki, 1927b. – Bd 18.

Munkácsi B., Kálman B. Wogulisches Wörterbuch. – Budapest, 1986.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Turksprachen // Lexica Societatis Fennno-Ugricæ. – Helsinki, 1969. – T. 17, N 1.

Rédei K. Gibt es sprachliche Spuren der vorungarisch-permischen Beziehungen? // Acta linguistica. – Budapest, 1969. – T. 19, N 3/4.

Rédei K. Die Syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. – Budapest, 1970.

Serebrennikov B.A. Die ugroiden Völker als alte Besiedler des russischen Nordens // Ural-altaische Jahrbücher. – Wiesbaden, 1969. – Bd 41.

Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache. – Berlin, 1956 – 1993.

Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas: In 4 Bd. – Berlin, 1934 – 1936. – (Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse; Bd. 18 – 20).

Wichmann Y. Die tschuvashischen Lehnwörter in den permischen Sprachen // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. – Helsingfors, 1903. – Vol. 21.

Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz // Lexica Societatis Fennno-Ugricæ. – Helsinki, 1987. – T. 21.

Приложение

Я никак не надеюсь переубедить сочинителей “угро-самодийских” гипотез, и эта статья не носит дискуссионного характера: дискутировать на уровне, который определяется качеством упомянутых в статье сочинений, нет никакой возможности. В то же время я не могу и не хочу подробно разбирать *все* придуманные на сегодняшний день “угро-самодийские” этимологии и надеюсь, что приведенных в статье примеров и выводов достаточно, чтобы быть понятным и услышанным коллегами-историками. Такое ограничение обусловлено не только рамками статьи, но и пониманием того, что после ее появления уважаемые оппоненты непременно ответят – помимо обвинений в предвзятости, высокомерии, реферативности и пр. – потоком новых “открытый” того же рода, которые снова надо будет рассматривать и т.д.

Выход мне видится лишь один: показать, что изыскания такого рода (методологические принципы названы в статье) – занятие весьма приятное, для него требуется только наличие словаря, умение его читать, минимум времени и желание. Решать, какое

отношение имеет это к науке, предлагаю читателю. Итак:

Не могу молчать

К сожалению, до сих пор исследователи удмуртской топонимики не обратили внимания на очевидный факт: значительная часть топонимов Удмуртии объясняется из китайского языка. Китайский топонимический пласт в Удмуртии, безусловно, более значителен, чем обско-угорский и самодийский, и это обстоятельство согласуется с историческими данными: китайцев на территории Удмуртии живет и жило явно больше, чем манси и селькупов вместе взятых. Обращает на себя внимание плотное гнездо китайских топонимов на западе Удмуртии и в граничных районах Кировской области. Ниже привожу предварительный список удмуртских субстратных топонимов китайского происхождения, найденных мною в течение пятнадцати минут с помощью карманного китайско-русского словаря в 6200 слов. Надеюсь, дальнейшие изыскания позволят значительно расширить этот список.

Топоним	Китайское соответствие		Значение
	Пиньин	Русская транскрипция	
Ува, р.	wù wā	у ва	‘туманная впадина’
Ита, р.	yì dā	и да	‘сто миллионов холмов’
Яган, р.	yā gāng	я ган	‘утиная гора’
Лубяны, с.	lù biān	лу бянь	‘у дороги’
Шаркан, с.	shā ér kāng	ша эр кан	‘песчаный и широкий’
Кама, р.	kāng	кан	‘широкая’
Булай, с.	bùlài	булай	‘неплохой’
Сива, р.	xī wā	си ва	‘мелкая впадина’
Чур, р., пос.	chùr	чу-эр	‘местечко’
Кез, пос.	gēz	ге-цы	‘голубь’
Глазов, г.	gǔ lājī	гу лацзи	‘древний мусор’
Пибаньшур, д.	pǐbiān shùr	пубянь шу-эр	‘распространенное деревце’
Зон, с.	zōng	цун	‘род, предки’
Лумпун, р.	lǒng bān	лон бань	‘подобный борозде’
Лобань, р.	lǎo bāng	лао бан	‘старая страна’
-си – топоформант на западе Удмуртии:	xī	си	‘запад’
Сюмси	xúnxī	сюньси	‘патрулировать запад’
Пумси	pànxī	паньси	‘мятежный запад’

Материал поступил в редакколлегию 01.04.99 г.